

Линь Цзянхэ почесал голову, лёжа на кровати, и наконец решился начать более глубокий поиск информации о семейном положении Гу Чанфэна.

Родители Гу по праву считались образцом людей, добившихся всего сами: они основали огромную компанию Ханьси — гиганта в развлекательной индустрии, занимающего половину этого мира. Наряду с компанией Чэньсин их называли столпами и светилами индустрии развлечений.

Можно сказать, они были теми, кто повелевал ветрами и дождями в мире шоу-бизнеса.

У Ханьси было множество дочерних компаний, сфера их деятельности охватывала множество направлений, а рыночная капитализация оценивалась в топ-10 по стране. Более того, пара Гу активно занималась благотворительностью, основав и поддерживая множество благотворительных фондов, сделав многое для благотворительности страны.

Линь Цзянхэ также нашёл интервью с госпожой Гу, в котором она объясняла причины своего увлечения благотворительностью: с одной стороны — чтобы помочь большему числу нуждающихся, с другой — чтобы накопить благословение для своего младшего сына, который пропал в детстве, в надежде поскорее его найти.

В видео обычно элегантная и благородная госпожа Гу, говоря о пропавшем в детстве сыне, рыдала так, что не могла вымолвить и слова.

Линь Цзянхэ, смотрящий видео, тоже почувствовал, как сжалось его сердце. Он поджал губы, отложил телефон в сторону, перевернулся к нему спиной, и в его душе появилось ещё больше смятения.

Линь Цзянхэ: [Сяо Цзеце, как ты думаешь, что мне делать?]

Сяо Цзеце: [Это решение всё равно должен принять ты.]

Хотя система не понимала его смятения, она всё же дала свой совет.

Линь Цзянхэ: [Я как раз и не знаю, какое решение принять.]

Выслушав ответ сяо Цзеце, он почувствовал, что запутался ещё больше.

В раздражении он начал перекатываться по кровати туда-сюда, наконец снова сел и решил пока отложить этот вопрос и подумать позже: [Ладно, не буду думать. Я хочу спросить ещё кое-что.]

Сяо Цзеце: [О чем?]

Линь Цзянхэ: [Теперь у нас с Ду Таном близость третьего уровня, нам всё равно нужно восполнять условия для второго уровня?]

Сяо Цзецзе: [Нужно и побыстрее, а то если обнаружат, меня отправят на переплавку.]

В голосе сяо Цзецзе сквозил настоящий ужас. Очевидно, она сама очень боялась этого наказания.

Тогда у неё не было выбора, но она очень хотела помочь хозяину. В итоге её процессор перегрелся, и она предложила это нарушающее правила решение. Позже, когда процессор остыл, хотя она и не жалела, она всё же очень сильно испугалась.

Линь Цзянхэ, естественно, уловил страх в словах сяо Цзецзе и почувствовал себя ещё более растроганным: [Всё настолько серьёзно? Не бойся, сяо Цзецзе, я... я потороплюсь.]

[Хорошо!] — поспешно ответила сяо Цзецзе.

Только подумав о требованиях для достижения второго уровня близости, Линь Цзянхэ почувствовал, как его лицо начинает краснеть. Он нахмурился, словно обдумывая очень серьёзное дело, но в уголках губ возникла сладкая улыбка.

Линь Цзянхэ глубоко вздохнул, сбегал в ванную и умылся холодной водой, чтобы подарить внутреннее волнение, а затем отправился на кухню готовить ужин.

Только открыв холодильник, он вспомнил, что ещё не спросил Ду Тана, что тот хочет поесть, поэтому снова побежал и постучал в дверь его кабинета.

— Что ты хочешь на ужин? — Линь Цзянхэ, мигая красивыми миндалевидными глазами, сладко посмотрел на мужчину.

Ду Тан прекратил печатать и нежно посмотрел на него в ответ, поинтересовавшись:

— Я боялся, что ты устанешь, и уже заказал еду на вынос. Ужин привезут примерно через десять минут. Может, сегодня ты отдохнёшь и не будешь готовить сам?

— Тоже вариант, — кивнул Линь Цзянхэ, заложил руки за спину, прошёлся неспешным шагом и грациозно уселся рядом с Ду Таном, желая посмотреть, чем тот был занят, словно маленький начальник, пришедший с проверкой.

Заметив его действия, Ду Тан поднял руку, словно собираясь что-то сделать, но в итоге ничего не предпринял.

Линь Цзянхэ обратил внимание на его мелкое движение, на его лице появилась озорная улыбка, и он с подозрением взглянул на экран компьютера.

— Ты за моей спиной смотришь мои кулинарные видео? Нет! Ты... ты тот богач, который всегда мне донатит! Так это был ты! Оказывается, это ты!

Ду Тан смущённо потер нос.

— Да, я.

— Тогда почему раньше не признался? И даже обманул, сказав, что редко смотришь.

Вспомнив его прежние слова, Линь Цзянхэ почувствовал ещё большее недоумение.

Ду Тан слегка кашлянул, отводя взгляд, но честно объяснил:

— Мне было неловко.

— Что тут может быть неловкого? — На лице Линь Цзянхэ проглядывала легкая улыбка, а в глазах сверкала хитрая искорка. Он явно был доволен увиденным — редким моментом замешательства Ду Тана.

— Тогда мне было неловко признаться тебе. Признаться, что я давно уже обратил на тебя внимание. — Ду Тан устремил на него пламенный взгляд, полный откровенности и заботы.

Линь Цзянхэ вдруг почувствовал неладное, захотел развернуться и убежать, но смутно ощутил, что уже не может убежать.

Он почувствовал себя насекомым, попавшим в паутину, хозяин которой уже появился рядом и сказал: «Тебе не уйти».

Что ещё страшнее — он сам совершенно не хотел убегать.

— А сейчас? — тихо спросил он, уже заранее зная ответ.

— Сейчас я хочу, чтобы ты знал, как сильно я о тебе забочусь.

Ду Тан встал, обхватил его за талию, посадил к себе на колени и с благоговением поцеловал в губы.

Линь Цзянхэ, увлечённо отвечая на его действия, целовался с ним, но вскоре обоим стало мало такого простого, поверхностного общения.

Даже звонок в дверь не прервал их взаимодействие. Только после того, как звонок прозвучал три раза подряд, Линь Цзянхэ в панике оттолкнул Ду Тана и, держась за свою растрёпанную рубашку, дал ему знак разобраться с текущей ситуацией.

Ду Тан потер пальцами переносицу, испытывая сильное удивление и досаду на свою только что проявленную несдержанность.

Он взял телефон и написал курьеру, чтобы тот оставил еду у двери.

Затем он отбросил телефон в сторону, кое-как прибрал вещи на рабочем столе, поднял Линь Цзянхэ и посадил на стол, вновь целуя его в губы.

«...»

Когда они наконец вышли из кабинета, уже зажглись вечерние огни, и в окнах домов замерцали огоньки.

В кабинете была совмещённая ванная комната, в которой лежал целый набор туалетных принадлежностей. Линь Цзянхэ, растянувшись в объятиях Ду Тана, со смехом назвал его старым хитрюгой, который всё заранее продумал.

Ду Тан не стал оправдываться, лишь снова поцеловал его в уголок губ и начал понемногу сушить ему волосы феном.

Ощущая тёплое дыхание мужчины, Линь Цзянхэ начал клевать носом. Последнее, что он услышал, прежде чем сознание погрузилось во тьму, были тихие слова Ду Тана:

— Ложись спать.

В итоге он погрузился в глубокий сон.

Разбудил его столь же нежный голос Ду Тана:

— Проснись, чтобы немного поесть. Потом можешь снова поспать.

— Что? — Линь Цзянхэ потер сонные глаза, обвил Ду Тана руками и легонько вдохнул его парфюм — это был аромат, который сводил его с ума больше всего.

Ду Тан мягко объяснил:

— Первая доставленная еда уже совсем остыла, я заказал новую порцию каши.

Без всякой причины в сердце Линь Цзянхэ вдруг поднялась волна радости, он поцеловал Ду Тана в подбородок.

— Ду Тан, я так счастлив!

— Я тоже.

— Я так счастлив быть с тобой.

— Я тоже.

Ду Тан поцеловал его в уголок глаза, подавив бушующее в сердце чувство собственности, зачерпнул полную ложку каши, подул на неё и поднёс ко рту Линь Цзянхэ.

Каша была очень мягкой. Линь Цзянхэ лишь слегка прикоснулся к ней губами и проглотил — всё было в самый раз.

— Вкусно. Ты уже ел?

— Ещё нет. Сначала ты поешь. — Ду Тан достал носовой платок и нежно вытер уголок его губ.

Линь Цзянхэ покачал головой, отказываясь от второй ложки каши, которую ему протягивали.

— Давай вместе.

— Хорошо. — Ду Тан знал, что молодой человек жалеет его, с лёгкой усмешкой кивнул и попробовал кашу. — Действительно вкусно.

Каша оказалась невероятно ароматной, можно сказать, верх гастрономического наслаждения. Как же он раньше не замечал, что каша в этом месте такая вкусная?

Они ели ложка за ложкой, полные нежности, пока не доели всю порцию.

После еды Ду Тан встал, чтобы отнести посуду, но Линь Цзянхэ снова ухватил его за рукав. Он обернулся, погладил его пушистую голову и мягко спросил:

— Что случилось?

— Я хочу ещё. — Линь Цзянхэ прямо и пристально смотрел на мужчину, его взгляд нёс какую-то скрытую информацию.

— Тогда я закажу ещё. Только много нельзя есть, а то живот заболит.

Ду Тан рассмеялся: «Прямо как ребёнок, который не может наесться».

Линь Цзянхэ покачал головой, слегка нахмурился и стал мягко капризничать:

— Я не могу ждать.

— Тогда что мне делать? Заказать срочную доставку?

Ду Тан поставил тарелку в сторону, ущипнул его слегка пухлые щёки, и в его сердце поднялось чувство гордости.

Ду Тан: «Отлично, столько времени откармливал. Наконец-то он набрал немного мяса».

— Не нужно, разве здесь нет готового?

Ду Тан явно не понял смысла его слов, с недоумением глядя на него.

— Я хочу попробовать, какая на вкус каша, которую ел ты.

Линь Цзянхэ обвил тонкими белыми руками его шею, впившись белыми ровными зубами в губы.

После поцелуя огонь в сердцах обоих снова разгорелся.

Линь Цзянхэ протянул свои лапы к только что надетой свежей рубашке Ду Тана.

— Нельзя. Сегодня у тебя был первый раз, если слишком сильно увлечёшься — завтра будет плохо.

Ду Тан взял его за руку, пытаясь снова укутать в одеяло, но Линь Цзянхэ потянул его за руку, слегка покачивая.

— Ничего страшного, завтра ведь всё равно никаких дел. В крайнем случае, проваляюсь весь день.

Линь Цзянхэ поднял голову и посмотрел на Ду Тана. На его лице сиял лёгкий румянец, на шее и груди отпечатались беспорядочные следы «клубничек\*», а выражение лица было милым и затуманенным.

П.п.: В китайском сленге клубничками называют засосы.

— Я правда очень хочу. Можно?

Где уж Ду Тану устоять?

Он больше не мог думать ни о чём другом, весь его рассудок был истощён.

Сейчас он только хотел снова обладать этим человеком перед собой, впитать его в свою плоть и кровь, чтобы никогда больше не разлучаться.

«...»

Ночь была тихой. Линь Цзянхэ и Ду Тан лежали в постели, обнявшись, как две рыбы, выброшенные на сушу и смачивающие друг друга слюной, чтобы выжить.

После долгой тёмной ночи они наконец встретили первый луч света в своей жизни и, ухватившись за него, больше не хотели отпускать. Познав вкус счастья, уже невозможно было терпеть прежнее одиночество.

Рыбы без воды тоже могли иметь своё собственное счастье, даже если это счастье не было понятно другим.

Забыть друг друга в мире больших вод — это одно счастье, смачивать друг друга слюной на суше — другое.

Если ты не рыба, откуда тебе знать, что радует рыбу?

<http://bllate.org/book/13574/1204656>